

Из истории фашистских концлагерей*

(*энциклопедия «Великая Отечественная война» (1985 г. издания; издательство «Советская энциклопедия»), стр.765.)

Фашистские лагеря смерти создавались гитлеровцами на оккупированной территории СССР для массового уничтожения советских людей, подавления их сопротивления, использования их для принудительного труда. При подготовке нападения на СССР фашистским руководством ещё в марте 1941 г. были даны директивы об организации лагерей для предполагаемых советских военнопленных и гражданского населения: коммунистов, семей военнослужащих, евреев, жителей партизанских районов, мужчин призывного возраста и др. Фашистские лагеря смерти были неотъемлемой частью жестокого оккупационного режима, установленного гитлеровцами на захваченных советских территориях. По официальным назначениям фашистские лагеря смерти делились: для военнопленных, гражданского населения, женские, пересыльные, штрафные и др. Лагеря для военнопленных находились в ведении военного командования, остальные - в ведении СС и гестапо. Во всех фашистских лагерях смерти был установлен жестокий режим террора.

Часто заключённых лишали фамилий, заменяя их номерами, размещёнными на лагерной одежде. С 1942 г. было введено клеймение пленных. Заключённые лагерей использовались преимущественно на тяжёлых, вредных и опасных работах. Рабочий день продолжался 12-18 часов. В лагерях царила массовая смертность от голода, холода, непосильного труда, избиений, эпидемий. Для выявления и уничтожения ослабевших узников проводилась регулярная «филтрация» (отбор). Расправы над заключёнными сопровождалась пытками и носили особо мучительный, садистский характер (сожжение или закапывание живых людей, травля их собаками, казни под музыку и т.п.), многих советских граждан гитлеровцы направляли в концентрационные лагеря в Германию и Польшу. В некоторые лагеря, находившиеся на оккупированных территориях СССР, привозились военнопленные и мирные граждане из других стран, захваченных фашистами.

За годы войны на оккупированных территориях СССР действовало несколько сотен фашистских лагерей смерти (в Белоруссии - около 260, на Украине только лагерей для военнопленных 180).

Крупнейшие фашистские лагеря смерти в Белоруссии - Тростяницкий (около Минска погибло свыше 200 тысяч человек), Гомельский (около 100 тысяч человек), Витебский (около 90 тысяч человек), Минский (свыше 80 тысяч человек). На Украине - Яновский (на окраине Львова, погибло 200 тысяч человек), Славутинский (так называли Гросс лазарет в Хмельницкой области, 150 тысяч человек), Дарницкий (68 тысяч человек), Сырецкий в Киеве (25 тысяч человек), в городе Хорол Полтавской области (53 тысяч человек) и др., а также в Латвии - Саласпилский, около Риги (свыше 100 тысяч), в Даугавпилсе (160 тысяч человек); в Литве - лагерь Панеряй около Вильнюса (100 тысяч человек), в городе Аметус (60 тысяч человек), в Каунасе (в 6-м форте - 35 тысяч человек, в 9-м форте - 80 тысяч человек); в Эстонии - лагеря в городе Нарва (30 тысяч человек). Ряд крупнейших фашистских лагерей смерти действовало и на территории РСФСР. В нечеловеческих условиях советские люди под руководством подпольных партийных и антифашистских организаций и комитетов стойко сопротивлялись фашизму: спасали своих товарищей от уничтожения, совершали побеги, совершали диверсии на предприятиях, где работали заключённые. Население оккупированных районов, рискуя жизнью, помогало бежавшим из лагерей (их укрывали, кормили, лечили, одевали, связывали с партизанами). Подпольщики и партизаны провели много операций по освобождению советских граждан из немецко-фашистских лагерей. Злодеяния гитлеровцев в лагерях расследовались чрезвычайной государственной комиссией. Ряд немецко-фашистских военных преступников и их пособников, зверствовавших в фашистских лагерях смерти, были преданы суду в СССР.

История Пахомова П.Д. до оккупации

Пахомов П.Д. родился в 1936 году в селе Сетуха Орловской области. Его отец, Пахомов Дмитрий Захарович, работал заведующим магазина, а мать, Наседкина Вера Андреевна, главным бухгалтером.

И вот в 1941 году началась война. И уже в октябре 1942 года в село Сетуха ворвались фашистские банды СС. В результате их село было сожжено, скот убит. Мать Павла Дмитриевича была потеряна, рядом с ним из родных людей осталась только тётя Мавра Захаровна и другая тётя со своими детьми. На третий день после налёта их отправили на Запад. Вагоны, в которых их везли, из воспоминаний Павла Дмитриевича были похожи на вагоны для скота. По пути следования эшелон постоянно подвергался бомбёжкам. Во время очередного обстрела в Белоруссии Павлу Дмитриевичу и его родным удалось сбежать. Ночами они шли домой, а днём отсиживались в каких-нибудь сараях, в стоге сена, на чердаках. В село Сетуха они пришли спустя несколько месяцев. За такой длительный путь Пахомов П.Д. перенёс корь и с тех пор у него проблемы со слухом.

Деревня была уничтожена, и они поселились в землянке. В июне 1943 года снова облава немцев. Павел Дмитриевич спрятался под печку, но его нашли и снова посадили в вагоны, которые направлялись в концлагерь под названием Саласпилс.

Из истории концлагеря Саласпилс

Саласпилс - посёлок близ Риги. Ещё в октябре 1941 года немецко-фашистские оккупанты создали в этом посёлке лагерь смерти. Начиная с мая 1942 года в Саласпилс доставляли заключённых из рижской центральной тюрьмы, советских военнопленных из других лагерей, мирных жителей, заподозренных в связях с партизанами. Сюда попал и Пахомов П.Д. со своими родственниками. Фашисты уничтожили в Саласпилсе свыше 100 тысяч человек. В октябре 1944 года, стремясь скрыть следы злодеяний, оккупанты уничтожили лагерь.

Воспоминания Пахомова П.Д. о концлагере Саласпилс

В этом лагере они жили в трёхъярусных бараках. Однажды во время завтрака Мавра Захаровна попыталась незаметно поделиться кашей со своим племянником, но надзирательница, увидев это, подошла к тётке Павла Дмитриевича и ударила её по голове. По воспоминаниям Павла Дмитриевича кормили очень плохо, давали брюкву (которой обычно кормят скот), кружку кипятка и таблетку сахара.

Очевидцы вспоминают*...

(*Художественная книга «Слесарная команда Равенсбрюка». Воспоминания заключённой № 10787. М., 1985 г., стр.38.)

Во время своих агрессивных походов фашистский вермахт не щадил даже детей. И уже никогда не будет установлено количество детей, уничтоженных или умерших в концлагерях. От них остались лишь горы маленьких ботинок и игрушек.

Первые дети попали в лагерь уже в июне 1939 года. Это были дети цыган, которые вместе с матерями прибыли транспортом из австрийской земли Бургенланд, среди них - двух- и трехлетние. С детьми в лагерь бросали и еврейских матерей. После начала второй мировой войны матери с детьми прибывали из стран, подвергшихся фашистской оккупации, - сначала из Польши, Австрии и Чехословакии, потом - из Голландии, Бельгии, Франции и Югославии. Часто мать умирала, и ребенок оставался один. Чтобы избавиться от лишённых матерей детей, их транспортом отсылали в Бернбург или Освенцим. Там их уничтожали в газовых камерах...

10 июня 1942 года банды СС сровняли с землей деревню Лидице в Чехословакии. Мужчин расстреляли, большинство детей отправили в «детские приюты», где их уничтожили. Около двухсот женщин, девушек и маленьких детей - четыре поколения - в начале июля прибыли в Равенсбрюк. Самой старой женщине - прабабушке - было девяносто два года.

Для лагерного начальства дети были ненужным балластом. О них имелись особые предписания. Никто из них не смел покидать блок; появляться на Лагерштрассе они могли лишь в сопровождении

блоковых или штубовых. Лагерное начальство полагало, что детям достаточно свежего воздуха, пока они стоят на утренних и вечерних апеллах. Им не разрешалось иметь игрушек, они должны были тихо сидеть в углу в дневном помещении. Запрещалось чему-либо обучать детей. Если надзирательница видела плачущего ребенка, она била его и запирала на несколько часов в темную кладовку. Если при этом была мать, то надзирательница избивала и ее, грубо крича: «Лучше следи за своим ублюдком!».

Плакать детям запрещалось, а смеяться они разучились. Для детей не было ни одежды, ни обуви. Одежда заключенных была для них слишком велика, но ее не разрешалось переделывать. Дети в этой одежде выглядели особенно жалкими. Не по размеру огромные деревянные башмаки они постоянно теряли, за что также следовало наказание.

Если осиротевшее маленькое существо привязывалось к какой-нибудь узнице, она считала себя его лагерной матерью - заботилась о нем, воспитывала его и защищала. Их отношения были не менее сердечные, чем между родными матерью и ребенком. И если ребенка посылали на смерть в газовую камеру, то отчаяние его лагерной матери, сохранившей ему жизнь своими жертвами и лишениями, не знало границ. Ведь многих женщин и матерей поддерживало именно сознание, что они должны заботиться о ребенке. И когда их лишали ребенка - лишали смысла жизни.

Все женщины блока чувствовали себя ответственными за детей. Днем, когда родные и лагерные матери были на работе, за детьми присматривали дежурные. А дети охотно помогали им. Как велика была радость ребенка, когда ему позволяли «помочь» принести хлеб! Игрушки детям были запрещены. Но как мало нужно ребенку для игры! Его игрушками были пуговицы, камешки, пустые спичечные коробки, цветные ниточки, катушки из-под ниток. Оструганный кусок дерева был особенно дорог. Но все игрушки нужно было прятать, ребенок мог играть лишь тайком, иначе надзирательница отбирала даже эти примитивные игрушки.

В своих играх дети подражают миру взрослых. Сегодня они играют в «дочки-матери», в «детский сад», в «школу». Дети войны тоже играли, но в их играх было то, что они видели в окружавшем их страшном мире взрослых: селекция для газовых камер или стояние на апелле, смерть. Как только их предупреждали, что идет надзирательница, они прятали игрушки в карманы и убегали в свой угол.

Детей школьного возраста тайно обучали чтению, письму и арифметике. Учебников, конечно, не было, но узницы и тут находили выход. Из картона или оберточной бумага, которая выбрасывалась при выдаче посылок, вырезали буквы и цифры, сшивали тетради. Лишенные всякого общения с внешним миром, дети не имели представления о самых простых вещах. При обучении нужно было проявлять большое терпение. По вырезанным картинкам из иллюстрированных журналов, которые изредка попадали в лагерь с вновь прибывшими и отбирались у них при поступлении, объясняли им, что такое трамвай, город, горы или море. Дети были понятливы и учились с большим интересом.

Рассказ о праздновании дней рождения в семье звучал для них как сказка. Они не знали, как выглядит обычный дом, комната или кухня. Они не знали иной посуды, кроме коричневых жестяных мисок, а ярко разрисованной чашке дивились бы как чуду.

Дети не знали животных. В лагерях они, правда, познакомились с кровожадными собаками. Большая лошадь, которая вывозила очистки и потому часто стояла перед кухней, казалась им огромным чудовищем. Вшей и крыс они боялись. Птиц, пролетавших над лагерем, провожали внимательным взглядом. А когда детям рассказывали сказки и там встречались звери, то приходилось их подробно описывать. Дети не знали и фруктов. Они вертели в ручонках круглые розовые плоды, не зная, что с ними делать. Наконец угощавшая разрежала яблоки и сунула каждому по кусочку в рот. Они осторожно стали жевать, потом их глазёнки засияли от необычного лакомства. Из цветов они видели только несколько анютиных глазок.

Особенно страдали дети более старшего возраста, которые еще помнили прежнюю жизнь на родине. У взрослых были определенные политические убеждения, они верили в победу социализма. Но

какую моральную опору взрослые могли предложить этим детям? Если они понимали, что война скоро кончится и власть фашизма рухнет, то взрослые были рады, что у них тоже появлялась надежда, которая могла их поддержать. Ведь сильнее всего они тосковали по родине.

С самой большой заботой мы относились к старшим девочкам. Уже с двенадцати лет их посылали работать на производство. От непосильного труда большинство из них заболели туберкулезом и многие умирали. Товарищи пытались устроить этих девочек на более легкую работу, но это не всегда удавалось. Если мы видели, что девочка слишком слаба для работы на производстве, то мы говорили об этом с коммунистками, которые в управлении лагеря вели списки заключенных, и они уменьшали ее возраст.

Мальчиков еще до исполнения им двенадцати лет безжалостно отрывали от матерей и посылали на работу в мужской лагерь.